

УДК 801.311/313(066)

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПОЭТОНИМОЛОГИЯ**© Валерий Михайлович КАЛИНКИН**

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького
83003, Украина, г. Донецк, пр-т Ильича, 16
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Рассматриваются постулаты специфики значения поэтонима, которые фиксирует принципиальные отличия семантики онима художественного произведения от семантики собственного имени в языке. Осмысливается соотношение поэтонимов с *виртуальными*, словесными (в смысле материала) *референтами*. Обосновывается, что в «семантическом треугольнике» поэтонима вместо референта (денотата) в общепринятом смысле присутствует виртуальный референт (денотат). Кроме того, этот виртуальный денотат правильно приложим не к классу предметов, а к единичному предмету, выделенному по уникальному признаку из некоторого класса и поэтому гораздо более правомерно именованию его именно референтом. Доказывается целостность поэтонимосферы, предопределяющая важнейшее свойство каждого отдельного поэтонима: он пронизан «силовыми линиями» поэтонимосферы, испытывает ее влияние и сам воздействует на свойства совокупности поэтонимов. Обосновывается понятие «Филология Имени». Акцентируется внимание на использовании понятия «Филология Имени», которая стала постепенно складываться в XX веке как симбиоз ономастики и семиотики в деятельности нескольких групп ученых в значительных и высокоавторитетных гуманитарных научных центрах, главными из которых в СССР были Московская и Тартуская семиотические школы. Обосновывается особое направление лексикографии – поэтонимография, формирующая теорию и совершенствующая практику составления словарей собственных имен художественных произведений.

Ключевые слова: художественная речь; поэтоним; семантика; поэтонимия произведения; ономография

Окончание. Начало в т. 2, вып. 4 (8).

Многие литераторы ясно осознавали, что между реальным ономастиком и собственными именами художественного произведения имеются существенные различия, и ориентация писателей-реалистов на правду жизни и, соответственно, на реальную онимию не мешала этому пониманию. Известно, например, высказывание Л.Н. Толстого по поводу книги «Война и мир», касающееся и собственных имен в ней [1]. Хотя следует признать, что собственное имя исторического лица имеет в сознании читателя прямую референцию с конкретной личностью, восприятие персонажа – исторической личности (и его имени) – в художественном произведении осложнено и изменено преобразующим воздействием творящего сознания. «Наполеон «Войны и мира» – это в предельной степени творение Толстого, концепция Толстого, но живет этот образ непрерывным соизмерением с настоящим Наполеоном. Структура образа заведомо двойная, основанная на том, что у читателя есть представление о Наполеоне» [2, с. 8]. В этом случае речь идет об **аксиоме взаимного самоотра-**

жения. *Собственное имя в художественном произведении и обозначенный им «фиктивно» существующий выдуманный или реальный объект находятся в состоянии взаимного самоотражения.* Заметим, что самая важная **аксиома знаковости:** *всякое собственное имя в литературно-художественном произведении есть знак «фиктивного» (в смысле: сотворенного воображением писателя) существования.*

Понимать аксиому взаимного самоотражения следует так: собственное имя в художественном произведении так же добавляет определенный смысл описываемому предмету, как и описание предмета добавляет определенное содержание его имени. Разные способы именования одного и того же референта могут отражать как различное представление об имени, о роли его формы для именуемого объекта, так и эволюцию отношения к самому именуемому объекту.

Аксиома контекста как широкого принципа заключается в том, что, *являясь знаком «фиктивного» существования описываемого в художественном произведении объекта, собственное имя получает свою полноценную значимость не только в кон-*

тексте других знаков художественного произведения, но и в контексте, понимаемом как широчайший принцип. Главный вывод, следующий из этой аксиомы, состоит в том, что единственным способом проникновения в смысловую сферу поэтонима является фактор контекста.

Аксиома бесконечной смысловой валентности поэтонима: *всякое собственное имя может иметь бесконечное количество значений.* Из этой аксиомы следует, что собственное имя в художественном произведении при определенных условиях может не только быть полномочным представителем носителя имени, но и превратиться в символ. Примеры общеизвестны: Дон Жуан, Отелло, Ромео, Дон Кихот, Печорин, Иудушка Голловлев и т. д.

Аксиома сознания: *всякое собственное имя в художественном произведении есть акт и результат не только переживаемой автором действительности, но и воспринимаемой читателем авторской рефлексии.* Эта формулировка, представляющая собой сведенные воедино лосевские аксиомы сознания, переживания, понимания и т. д. знака, фиксирует мысль о том, что произвол автора художественного произведения в выборе, изобретении и использовании поэтонимов ограничивает стремление к взаимопониманию с читателем.

Аксиома предикации: *всякое собственное имя в художественном произведении есть предикация того или иного понимания обозначаемой предметности в отношении самой этой предметности.* Из этого следует, что взаимоотношения между содержанием, передаваемым собственным именем и информацией о названном объекте в художественном произведении (в отличие от общезыковой ситуации), всегда эксплицированы, пребывают в состоянии постоянного взаимотражения. Подробности же, касающиеся аксиом и постулатов поэтономологии, связанных с теорией поэтонима, полнее изложены в уже опубликованной монографии «Поэтика онима» [3, с. 108-124].

Следующим моментом, на котором нужно остановиться, является семантика поэтонима, имеющая как общие, так и особенные черты по сравнению с семантикой онимов языка. Корни различий кроются в характере причинной обусловленности имен. Семанти-

ка собственного имени строго детерминирована историческими и языковыми факторами; даже полная утрата связи с апеллятивным значением не лишает имя способности, оставаясь элементом ономастической системы, передавать информацию об именуемом объекте.

Литературная онимия детерминирована иначе. Каждое собственное имя художественного произведения прочно связано со свойствами изображаемого (и названного именем) предмета. В семантике поэтонима наблюдается сдвиг в сторону обязательности либо вещественного значения корневых морфем, либо семантической нагруженности суффиксов. Постулат специфики значения поэтонима фиксирует четыре принципиальных отличия семантики онима художественного произведения от семантики собственного имени в языке:

1) поэтоним всегда обладает какой-нибудь из особенностей, позволяющих либо соотносить его содержание с понятием апеллиатива, послужившего основой имени, либо ощущать актуализированность речевой, языковой, энциклопедической информации или эксплицированность ситуации наречения именем;

2) поэтоним, именующий действующее лицо литературного произведения, содержательно и информативно всегда адекватен стремлению автора сделать имя персонажа соответствующим его внутренней сущности (независимо от того, какая из сторон сущности персонажа и каким образом проявляется);

3) поэтоним в пределах художественного произведения, в отличие от реальных собственных имен, никогда не подвергается информативному и содержательному опустошению, хотя в каждом из конкретных его употреблений реализуется лишь часть его семантического потенциала; тем или иным образом автор постоянно «напоминает» читателю: «Nomen est omen», имя дано персонажу не случайно;

4) поэтоним никогда не именуется реальным объектом; специфичность его значения проявляется в «фиктивности» (точнее, в воспроизведенности авторским сознанием) даже реально существующих предметов.

Воспользовавшись популярным ныне термином из компьютерных технологий, можно сказать, что действительность литера-

турного произведения по сути представляет собой виртуальную (*от лат. virtualis – воз-можный*) реальность, а поэтонимы в ней обозначают виртуальные объекты. Это значит, что в «семантическом треугольнике» поэтонима вместо референта (денотата) в общепринятом смысле присутствует виртуальный референт (денотат). Кроме того, этот виртуальный денотат правильно приложим не к классу предметов, а к единичному предмету, выделенному по уникальному признаку из некоторого класса, и поэтому гораздо более правомерно именование его именно референтом.

В поэтониме как феномене художественной речи всегда и одновременно присутствуют и взаимодействуют как минимум два начала:

1) внутренняя «борьба» между механизмами конкретизации и обобщения, в конечном счете, движущая имя по оси апеллятив – оним;

2) внешнее «сражение» поэтонима с контекстом, меняющее аккумулятивную информацию об объекте именовании.

Правильно предположить, что дальнейшее углубленное изучение свойств поэтонима в непрерывно меняющихся условиях функционирования откроет и другие факторы, определяющие динамику семантики поэтонима.

Вслед за осмыслением специфики поэтонимов в художественных произведениях в поэтонимологии начало развиваться направление исследований, связанное с изучением совокупностей собственных имен, составляющих поэтонимию целостного произведения. Сама по себе проблема осмысления статуса, природы и особенностей совокупности собственных имен в художественном произведении зародилась еще на ранних этапах развития литературной ономастики, возникла в серии опытов изучения то антропонимии, то топонимии, то какого-нибудь иного ряда собственных имен конкретного произведения. Предпринимались также попытки изучения всех собственных имен и в отдельно взятом произведении, и в каком-либо образом связанных рядах произведений. Хотя такого рода работы назывались с использованием термина «ономастическое пространство», исследования, как правило, осуществлялись без учета тех отношений, которыми

изучаемые множества организуются в системы. О необходимости же изучения совокупностей собственных имен как особым образом организованных систем писал еще в самом начале 1960-х гг. В.Н. Топоров, уделивший внимание лишь одному вопросу: «<...> образует ли топономастика систему, или, точнее, может ли она рассматриваться как система. Естественно, что в случае положительного ответа возникает признание возможности изучения топономастики структурными методами» [4, с. 4]. Сформулировав проблему в самом общем виде, В.Н. Топоров, между прочим, поднял интересные вопросы, связанные со степенью проявления свойства «быть собственным именем» и о введении количественной меры этого проявления, показал, что наибольшая чистота и полнота проявления «назывательной» функции связана с наименьшей мотивированностью названия, что собственное имя тем более «собственное», чем менее известен говорящему денотат, или когда известный денотат носит предельно непонятное название [4, с. 8].

Приняв в качестве предварительного определения, согласно которому «система – это совокупности элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах», ученый обратил внимание на возможность описания некоторых совокупностей фактов как системы. «Прежде всего, к ним относятся случаи зависимого употребления двух или нескольких топонимов (или личных имен), образующих, по сути дела, элементарную топономастическую микросистему» [4, с. 10]. Среди примеров микросистем указывались такие, которые образовывали бинарные оппозиции, включающие противопоставления *Большой – Малый, Старый – Новый, Белый – Черный* и т. д. Кроме того, В.Н. Топоров видел в изучении таких микросистем основание для реконструкции утраченных или претерпевших произвольные изменения (из табуистических или иных соображений) названий, некогда входивших в противопоставление.

Поэтонимология впервые поставила вопрос о принципиальной несводимости совокупности собственных имен художественного произведения к простой сумме компонентов. Иными словами, анализ «по единицам» был признан «недостаточным для понимания

глубинных процессов и существенных сторон семантики и поэтики онимов в литературных текстах» [5, с. 16]. Далее в процитированной здесь монографии на 20 страницах представлен тщательный обзор попавших в поле зрения исследовательницы попыток «привить» литературной ономастике представление о совокупности собственных имен в художественном тексте как системе.

В одной из первых наших работ, посвященных исследованию поэтонимосферы [6], мы предложили считать одним из эффективных подходов семиотический, на основании которого элементы поэтонимосферы можно представлять в системе оппозиций, конституирующих иерархию отношений между ними в языковой «картине мира» конкретного художественного произведения. Это позволяло бы устанавливать ономастические дихотомии в поэтонимосфере художественного произведения на основании устойчивых мифокультурных антиномий *низ – верх, жизнь – смерть, добро – зло, плохой – хороший* и т. д. Реализованные оппозитивные отношения между компонентами поэтонимосферы всегда воспринимаются только сквозь призму вошедшей в плоть и кровь читателя семиотической системы онимии языка. В той же работе было предложено (по аналогии с архитектурой) понятие «решение поэтонимосферы» (онимного пространства). Смысл, вкладываемый в это понятие, таков: во-первых, это итог творческих усилий автора, направленных на художественное воспроизведение фрагмента онимной системы языка (для реалистических произведений), который может быть так или иначе оценен; во-вторых, это оценка «лингвопоэтического» результата сочетания культурно-языковой и эстетической информации, аккумулированной в поэтонимах, со свойствами литературного произведения как художественного целого. В дальнейшем как в работах автора статьи, так и в исследованиях тех, кто продолжил изучение свойств поэтонимосфер художественных произведений, была осуществлена поляризация понятий «онимное пространство» и «поэтонимосфера». Этого потребовало сопоставление свойств онимного пространства естественного языка и поэтонимосферы художественного произведения. По сравнению с постоянно развивающимся и переменчивым онимным пространством язы-

ка, поэтонимосфера является раз и навсегда *завершенной* системой. А в связи с неизбежной «неполнотой» воссозданных в произведении объектов художественной картины мира – *фрагментарной*. Сами же объекты именования виртуальны.

Таким образом, поэтонимы соотносятся с *виртуальными*, словесными (в смысле материала) *референтами*. Целостность поэтонимосферы предопределяет еще одно, с точки зрения ее исследователей, важнейшее свойство каждого отдельного поэтонима: он пронизан «силовыми линиями» поэтонимосферы, испытывает ее влияние и сам воздействует на свойства совокупности поэтонимов. Исчезновение или смена хотя бы одного компонента поэтонимосферы в процессе работы писателя или поэта над текстом меняет систему в целом. А в некоторых случаях, как показывают конкретные наблюдения, преобразует произведение в целом, например, поэтонимосфера рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» [7]. Каждый оним, как известно, кроме исполнения присущей ему собственно номинативной функции, является своего рода «транспортным средством», доставляющим в текст набор аккумулированной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации, и потому участвует наравне с другими средствами в «конструировании» хронотопа литературного произведения.

Именно поэтому так реальна структурно-семиотическая и конструктивная роль онимной лексики в формировании «художественной картины мира» и так важна степень корреляции между информацией о названных собственными именами объектах, включая их семантику и поэтическую этимологию, и фундаментальными онтологическими и семиотически-ценностными категориями бытия, структурирующими мироощущение и мировосприятие человека.

Более 10 лет тому назад в докладе «От литературной ономастики к поэтике онима» (показательно, что в то время мы еще не отказались (сделали это позднее) от именования науки «Поэтика онима», ошибочно полагая, что это лучшее из возможных для нее название) мы призывали участников конференции, прошедшей в Горловском пединституте иностранных языков, помнить о «трех «П» (*поэтоним – поэтонимогенез – поэто-*

нимосфера) и назвали это «новой исследовательской парадигмой в литературной ономастике». Примерно с того же времени мы начали последовательно отстаивать право Имени на собственную науку. Один из аргументов звучал так: если до сих пор существует и плодотворно развивается возникшее еще в античности научное направление, именуемое «Философия имени», то необходимость и неизбежность общефилологического подхода к проблематике собственного имени является достаточным основанием для формирования и развития «Филологии Имени» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Аналогичное понимание, насколько нам известно, существует в российской филологии. В 2007 г. вышла в свет книга, посвященная памяти Владимира Николаевича Топорова «Имя собственное. Семантическая аура». Серия, в которой будут теперь выходить исследования, посвященные проприальной лексике, получила название «Имя/Именослов. «Филология имени». Допускаем, что у историков науки могут возникнуть сомнения в правоте наших утверждений, но думаем, что безо всяких деклараций и манифестов Филология Имени стала постепенно складываться в XX веке как симбиоз ономастики и семиотики в деятельности нескольких групп ученых в значительных и высокоавторитетных гуманитарных научных центрах, главными из которых в СССР были Московская и Тартуская семиотические школы. Лидеры Московской семиотической школы В.Н. Топоров и В.В. Иванов в рамках развития семиотики, в буквальном смысле слова, предприняли штурм комплекса проблем, связанных с реконструкцией праславянской мифологии. Именно в ходе этого штурма ученые пришли к выводу об особой роли имени собственного в связи с проблемой реконструкции. «При должном внимании исследователь, исходя из имени собственного, как по тонкой, ежеминутно грозящей оборваться нити, при определенных условиях может прийти к элементарным сочетаниям элементов, атрибутам и предикатам, мотивам и сюжетам, к фрагментам текста в его языковой форме, отсылающим к особым классам и жанрам текстов, наконец, к сложным идеологическим концепциям и их «реальной» подоснове» [8, с. 27]. Значительным количеством высококачественных исследований они показали неразрывную связь имени и текста, открыв, таким образом, горизонты новых направлений языкознания в изучении семантической ауры имени собственного. Завершая эту часть представления поэтонимологии, хотим процитировать слова Т.М. Николаевой из предисловия к книге, посвященной памяти В.Н. Топорова. Она настаивает на том, что «ветвление традиционной «ономастики» продолжается буквально на глазах», что появляется множество принципиально новых исследовательских направлений. «Исчерпаны ли все линии анализа семантической ауры имени в тексте?» – спрашивает она. И отвечает? – «Конечно, нет» [9].

Хотим добавить, что именно поэтонимология, в буквальном смысле слова, вдохнула новую жизнь в ономастику и способствует преобразованию ее в ФИЛОЛОГИЮ ИМЕНИ.

Смещение акцента с онима как такового на со-бытие имени собственного и литературного текста в работах последних лет далеко не случайно, ибо вся доступная обозрению логика развития научного направления свидетельствует о неизбежности этого поворота. Необходимо подчеркнуть: это не «разрыв» с традицией и не отход от нее и от ономастики как таковой, а попытка вовлечь в сферу интересов науки о собственных именах не только онимы, но и «среду их обитания». Именно на этом пути, мы убеждены, ономастику в ближайшее время ждут интереснейшие открытия. Так же убеждены, что опыт ономастики будет чрезвычайно полезен филологии, которая, распавшись на огромное количество рукавов и протоков, уже оплодотворила огромные пространства гуманитарного знания. Но за этой дельтой Великой реки – Океан Истины Неисследованной.

Особое место в поэтонимологии принадлежит еще одному действительно новому направлению исследований. О нем расскажем по возможности кратко, подчеркнув, однако, что всего лишь перечислим требующие особого внимания вопросы словарного дела. Речь пойдет об особом направлении лексикографии – поэтонимологии, формирующей теорию и совершенствующей практику составления словарей собственных имен художественных произведений. О первом личном опыте мы отчитались в конце XX века монографией, посвященной лекси-

кографированию поэтонимов романа «Евгений Онегин» [10]. Во вводных замечаниях к ней была представлена отнюдь не богатая традиция отечественной (и не только) лексикографии имен литературных произведений.

В настоящее время остро необходимым считаем решение комплекса вопросов, связанных с проблемой, которую можно обозначить как задачу разработки теории словарей языка писателя в плане отношения к собственным именам. Последние являются неотъемлемым компонентом и художественной, и публицистической, и бытовой речи художников слова, достаиваемых чести составления специальных лексикографических изданий. Наиболее авторитетный из отечественных «Словарь языка Пушкина», как известно, собственные имена из рассмотрения исключил («не помещаются в словаре собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении» (из предисловия к первому тому «Словаря языка Пушкина»). Однако для имен античной, библейской и христианской мифологии, а также отонимных образований было сделано исключение.

Каждый исследователь, попытавшийся решать задачи представления собственных имен художественных произведений в жанре словаря, неизбежно столкнется с массой вопросов общего и специального характера, начиная с того, что и в каком объеме может и должно быть материалом для описания, каким образом можно включить информацию о поэтике онимов в каждом конкретном употреблении и, кончая тем, какими техническими приемами можно обеспечить стандартизацию описания. Главное же состоит в том, что до сей поры лексикографическая лакуна — словари собственных имен в языке писателей — остается незаполненной.

Какими же могут или должны быть словари поэтонимов? Доводы самого общего характера говорят в пользу возможности и необходимости создания словарей собственных имен конкретных литературных произведений. Вопрос лишь в целесообразности выбора, обусловленного культурно-исторической ценностью произведения. Далее, не может быть серьезных возражений против

словарей поэтонимов, созданных в процессе исследования всего творчества выдающихся представителей мировой художественной литературы. Возможно, по крайней мере, в плане постановки задачи, создание словарей поэтонимов для произведений определенного жанра или литературного направления в рамках национальной культуры. «Словарным предприятиям» несть числа. Однако следует иметь в виду, что все они составят лишь вершину айсберга проблем исследовательского и организационного характера, которые могут встать перед учеными, отважившимися на реализацию архисложного дела — онимографию для словаря языка писателя.

С учетом всего того, что было сказано выше о специфике поэтонимов, совершенно очевидно, что среди онимного материала в языке писателя почти неизбежно встретятся формально одинаковые, но различные по свойствам собственные имена. В одной из наших работ онимографического направления [11] был представлен опыт статьи для онимной составляющей словаря языка А.С. Пушкина. Сознательно построенная в виде своеобразного «приглашения на кухню», она показывает не только результат проделанной работы (статью ВОЛЬТЕР), но раскрывает всю кропотливую исследовательскую и собирательскую деятельность, предшествовавшую составлению самой словарной статьи. Основными мотивами такого подхода были новизна дела в целом, наличие нескольких не использовавшихся ранее в практике словарной работы с собственными именами подходов к их описанию и попытка представить имя во всем многообразии его функций и состояний, включая опыт извлечения поэтонимогенеза из онимогенеза как формы существования имен в языке.

Стремление зафиксировать реальное функционирование слова в языке писателя требует не только учета всех без исключения контекстов его употребления в окончательной редакции того или иного текста, но и тщательного анализа всех доступных исследователю его вариантов. Однако и без того, очевидно, что в корпусе текстов Пушкина собственное имя *Вольтер*, его дескрипции и перифразы существуют в различных ипостасях и выполняют разнообразные функции. Отсюда и необходимость теоретического осмысления проблем онимографии (раздела

лексикографии, разрабатывающего принципы, правила и приемы описания собственных имен), и определения места и специфики поэтономаграфии как неотъемлемой части самой ономаграфии.

* * *

Ю.О. Карпенко, один из признанных «вождей» ономастических исследований на Украине, основатель Черновицкой, а затем Одесской ономастической школы, в том числе самой крупной школы литературной ономастики в СССР, опубликовавший в 2008 г. сборник своих статей, касающихся собственных имен в художественной литературе, изучением которых он занимался около 50 лет, в предисловии подвел итог усилиям всех поэтономологов: «<...> литературная ономастика – очень трудная дисциплина. Практически все, написанное о ней, принадлежит лишь к первым эскизам, за которыми рано или поздно придет более глубокое познание» [12, с. 3].

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 10.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Совет. писатель, 1979.
3. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
4. Топоров В.Н. Из области теоретической топонимости // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3-12.
5. Бувская М.В. Поэтонимосфера художественного текста. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2012. 288 с.
6. Калинин В.М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: науч.-метод. сб. К 80-летию проф. О.Е. Ольшанского / отв. ред. В.А. Глущенко. Славянск: СГПИ, 2001. Ч. 1. С. 93-97.
7. Калинин В.М., Бувская М.В. Опыт о свойствах и структуре поэтонимосферы // И слово Ваше отзовется. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2012. С. 182-194.
8. Топоров В.Н. От имени к тексту // Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 15-27.
9. Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. 360 с.
10. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). Донецк: Юго-Восток, 1999. 247 с.
11. Калинин В.М. На подступах к пушкинской ономаграфии // К «Оправданию филологии», или Вариации на тему общего дела: сб. науч. тр. / отв. ред. В.М. Калинин и др. Донецк, 2011. С. 257-312.
12. Карпенко Ю.О. Літературна ономастика: Збірник статей. Одеса: Астропринт, 2008. 328 с.

References

1. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, State Publishing House of Artistic Literature, 1955, vol. 10. (In Russian).
2. Ginzburg L.Ya. *O literaturnom geroe* [About the Literary Hero]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1979. (In Russian).
3. Kalinkin V.M. *Poetika onima* [Poetics of Onym]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999, 408 p. (In Russian).
4. Toporov V.N. Iz oblasti teoreticheskoy toponomastiki [From the field of theoretical toponomastics]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*, 1962, no. 6, pp. 3-12. (In Russian).
5. Buevskaya M.V. *Poetonimosfera khudozhestvennogo teksta* [Poetonymosphere of Literary Text]. Kiev, Dmitry Burago Publishing House, 2012, 288 p. (In Russian).
6. Kalinkin V.M. K voprosu ob oppozitsiyakh v poetonimosfere khudozhestvennogo proizvedeniya [To the question about the opposition in poetonymosphere of works of art]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy russkoy filologii. K 80-letiyu professora O.E. Ol'shanskogo* [Theoretical and Applied Problems of Russian Philology. To the 80th Anniversary of Professor O.E. Olshansky]. Sloviansk, Sloviansk State Pedagogical Institute Publ., 2001, part 1, pp. 93-97. (In Russian).
7. Kalinkin V.M., Buevskaya M.V. Opyt o svoystvakh i strukture poetonimosfery [Experience About the Properties and Structure of Poetonymosphere]. *I slovo Vashe otzovetsya* [And Words of Yours Resound]. Kiev, Dmitry Burago Publishing House, 2012, pp. 182-194. (In Russian).
8. Toporov V.N. Ot imeni k tekstu [From the name to the text]. *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic Aura]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 15-27. (In Russian).

9. *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic Aura]. T.M. Nikolaeva (ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, 360 p. (In Russian).
10. Kalinkin V.M. *Teoriya i praktika leksikografii poetonimov (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina)* [Theory and Practice of Lexicography of Poetonyms (on the Material of Creative Works of A.S. Pushkin)]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999, 247 p. (In Russian).
11. Kalinkin V.M. Na podstupakh k pushkinskoy onimografii [On the approach to Pushkin's onymography]. *K «Opravdaniyu filologii», ili Variatsii na temu obshchego dela* [To the “Justification of Philology”, or Variations on the Common Work Theme]. Donetsk, 2011, pp. 257-312. (In Russian).
12. Karpenko Yu.O. Literaturna onomastika [Literary Onomastics]. Odessa, Astroprint Publ., 2008, 328 p. (In Ukrainian).

Поступила в редакцию 21.09.2016 г.
Received 21 September 2016

UDC 801.311/313(066)

PLEASE MEET POETONYMOLOGY

Valeriy Mikhaylovich KALINKIN

Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department

Donetsk National Medical University of Maxim Gorky

16 Ilich Ave., Donetsk, Ukraine, 83003

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

The postulates of the poetonym's meaning specifics, which fix principal difference in onym semantics of fiction work from proper name in language semantics are considered. The correlation of poetonyms with virtual, verbal (about material) referents is considered. It is founded that in “semantic triangular” of poetonym instead of referent (denotation) in general sense there is a virtual referent (denotation). Besides, this virtual denotation is applied not to the class of objects but to one object, marked as unique feature from some kind of class and that is why it is right to name it a referent. The entirety of poetonymosphere is proved defining the most important features of each separate poetonym. It is filled by force lines of poetonymosphere, it is under influence and influences the features of total poetonyms. The notion “Name's Philology” is proved. The attention is paid to the use of notion “Name's Philology” which was built in the XX century as a symbiosis of onomastics and semiotics in the creative work of some groups of scientists in significant and humanitarian centers, the main of which was Tatu-Moscow Semiotic School in the USSR. The special direction of lexicography – poetonymography forming theory and improving practice of dictionaries creation of proper names of fiction works is improved.

Key words: artistic speech; poetonym; semantics; poetonymy of the creative work; onymography

Информация для цитирования:

Калинкин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 10-17.

Kalinkin V.M. Znakom'tes': poetonimologiya [Please meet poetonymology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 10-17. (In Russian).